Быт хантов и манси по рисункам XIX в.

В. Н. Чернецов

Описываемые ниже шторы, или вернее панно,[1] были приобретены Музеем этнографии АН СССР в 1939 г. и зарегистрированы под коллекционным номером 5753 (порядковые №№ 1—6). При покупке никаких указаний на время и происхождение этих предметов получить не удалось. Единственным документирующим моментом являлась подпись Н. Шахова на некоторых из шторок. Фамилия Шаховых, как нам известно — широко распространена среди сале-хардских зырян, переселившихся туда некогда из с. Ижмы. Таким образом, автор рисунков — местный житель, чем и объясняется его хорошее знание материала.

В № 3 Сборника „Советский Север", изданного Институтом народов Севера, помещена статья проф. А. Андреева, в которой он, ссылаясь на X том Известий Русского Археологического общества, сообщает, что в 1849 г. были присланы в Русское Географическое общество сибирские шторы, писанные по миткалю. В указанном месте „Известий Российского Археологического общества" находим среди протоколов за 1878 г. следующую запись:

„Л. Н. Майков показал сибирские шторы, писанные по миткалю Николаем Шаховым, присланные в Географическое Общество в 1849 году и писанные при Екатерине II; на этих шторах изображены различные занятия инородцев, острожки и обдорские князья в жалованных Екатериной II кафтанах".[2]

Поиски в Географическом обществе, хотя и не дали определенных указаний для выяснения происхождения и уточнения даты рисунков, все же укрепили нас в предположении, что шторки, приобретенные Музеем этнографии, и есть те самые, о которых докладывал в Русском Археологическом обществе Майков. В библиотеке Географического общества хранится картина размерами около 150×150 см, писанная масляными красками и изображающая „Ярмарку в г. Березове". Картина имеет подпись Николая Шахова и дату — 1855 г.

---

[1] Соглашаясь с нашим соавтором К. А. Большевой в определении рисунков Н. Шахова как панно, мы сохраняем в описании термин „шторы", поскольку под этим названием они зарегистрированы в МАЭ и впервые были упомянуты в печати.

[2] Известия Русского Археологического общества, т. X, вып. 2, протоколы, стр. 227.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

Исходя из этой даты следует заключить, что сведения, сообщенные Л. Майковым, — неточны. Шторки не могли быть писаны при Екатерине II — за что, впрочем, говорят и некоторые детали рисунка и шрифта — как, например, начертание буквы „е", не позволяющее отнести рисунки к XVIII в.

В то же время дата их не может быть позднее 1845—1848 гг., т. е. времени поступления их в Русское Географическое общество, если и здесь в сообщении Л. Майкова не было ошибки. Если же оно правильно, то тогда следует допустить, что в Русском Географическом обществе было два поступления рисунков Шахова — в 1849 г. и после 1855 г.

Повидимому, описываемые шторки не попали в свое время в собрание Русского Географического общества и остались у кого-то на руках. Какова была их судьба в дальнейшем, нам пока неизвестно. Можно лишь сказать, что, к счастью, они не потерялись и нашли, наконец, место хранения, которого они с полным правом заслуживают.

Рисунки Шахова, несмотря на отдельные неточности и излишние обобщения, представляют собой чрезвычайно ценный материал. Они являются единственными или почти единственными иллюстрациями к таким темам, как собачья упряжка цугом, охота на крупного зверя с луком и т. д. Эти соображения и заставили нас опубликовать их описание. В нем мы располагаем шторки по географическому признаку, следуя с севера от устьев р. Оби на юг. Можно только еще раз пожалеть, что до нас не дошло описание, которое, судя по этим пометкам, сделал автор рисунков Николай Шахов.

Художественная оценка творчества Н. Шахова дана б. сотрудником Отдела прикладного искусства Государственного Русского Музея, заведывавшей в 1941 г. Отделом фондов МАЭ, ныне покойной, Кирой Александровной Большевой.

Шторка I (рис. 1). Размеры: 1315 × 780 мм. Материалом для нее послужил миткаль, ширина которого не превышала, очевидно, 62 см, так как для получения желаемого размера шторки по всей длине была подшита полоса материи шириной 17 см (не считая подрубленной части). Края шторки подрублены. Шов сделан черными, побуревшими от времени нитками. Рубец заложен уже после того, как рисунок был выполнен. Шов, соединяющий обе полосы материи, сделан через край, так что с лицевой стороны он еле заметен, а с оборотной представляет собой тонкий, шнуровидный валик и, таким образом, в точности соответствует зырянской манере сшивать оленьи шкуры для одежды.

Шторка обведена каймой, шириной 60—65 мм, состоящей из двух черных полосок, шириной до 10 мм каждая, пространство между которыми (около 45 мм) заполнено волнистой гирляндой из стилизованных листьев. По углам и в средней части верхней и нижней сторон каймы изображены цветы. Букеты даны также и в серединах обеих вертикальных каем.

В средней части каймы верхней и нижней сторон вертикальными перегородочками образованы рамки. В рамках надписи, выполненные

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

славянскими буквами. *В* верхней — **обдо́рской кнѧсь**: в нижней — **самоѧтцкиѧ старшйнь**: и далее, курсивом: — *рисовал николаи шахов.*

В самой верхней части шторы изображен Урал, в виде ряда вершин, покрытых у подножия древесной растительностью. Хребет показан значительно выше, чем он виден с р. Оби у Сале-Харда, хотя художник и отнес его на задний план, показав горы в голубой дымке.

Ближе к переднему плану начинается равнина. С обеих сторон изображены деревья, со свойственной художнику условностью в рисунке. Помимо декоративного значения, деревья имеют, очевидно, целью усилить впечатление разности планов хребта и равнины.

В глубине равнины, посередине, стоит легковая мужская нарта на шести высоких копыльях, покрытая белой оленьей шкурой. Трудно сказать, какое значение желал придать художник этой нарте. Скорее всего он изобразил нарту самого князя. Несколько ближе по обе стороны изображены еще две нарты, тоже шестикопыльные, но грузового типа. На нартах — поклажа, обвязанная веревками.

Эти нарты стоят около амбарчиков на столбах, так называемых „чамьях" (единственное число: чамья). Обе чамьи изображены схематично, как и большинство строений в рисунках Шахова. К правой чамье прислонено бревно с зарубками, служащее лестницей.

Центральное место на шторке занимает рисунок дома — жилища князька. Как ни скупо показано художником внутреннее устройство, все же из того, что вдоль стены тянутся нары, разделенные перегородками (изображена лишь одна) видно, что жилищем князьку служила юрта, обычного для хантов и манси типа.

Близ переднего угла стоит князек, в красной, шитой золотом одежде. На голове у него шапка с красным верхом и золотым околышем. Обувь изображена слишком схематично, чтобы можно было ее определить, однако наличие каблуков указывает на ее европейский характер. Но в общих чертах одежда князька передана художником правильно, поскольку можно судить по фотографиям И. С. Полякова, относящимся к 1880 г. и хранящемуся в Отделе Сибири МАЭ акварельному рисунку из старых коллекций неизвестного происхождения (колл. № 1143-1), изображающему князька Ивана Матвеевича Тайшина (конец XVIII в.). Хорошо виден костюм и головной убор князька на фотографии И. С. Полякова (1880 г.), изображающей остяцкого князька Артанзиева.[1]

Справа от князька стоят, насколько можно судить по надписи в нижней части шторы, „самоятские" старшины. Одежда их также красная, с золотыми галунами, но более простого покроя, чем у князька. Шапки старшин также немного отличны: на рисунке они изображены в виде „венцов", но в действительности скорее всего имели узкий околыш из галуна и четырехугольный верх (напоминая тем самым польскую конфедератку). Именно такой головной убор приведен на рисунке,

---

[1] Хранится в МАЭ Акад. Наук, колл. 10ба-20.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

изображающем „остяцкого князя Тайшина“ в книге Белявского „Поездка к Ледовитому морю“ (стр. 60). Оба старшины держат кортики, которые, как известно, жаловались князькам и некоторым старшинам и являлись одним из атрибутов их власти.

Правее изображена женщина с ребенком. Она стоит на нарах, какие обычно тянутся вдоль двух стен и бывают разделены перегородками на несколько отделений. Каждое отделение, в зависимости от места, имеет определенное название. Так, ближайшее к двери отделение, в котором и изображена женщина, называется „придверным“. Женщина одета в костюм обычного покроя — так называемую ягушку, т. е. халат, украшенный по подолу полосой орнамента. Обычно летние ягушки шьются из сукна, в прежние времена шились также из замши. Чаще всего летом носят вытершиеся от употребления зимние ягушки. В данном случае, судя по цвету, ягушка сшита из шкур белого неплюя (молодого оленя), что указывает на значительную роскошь.

На голове у женщины накинут красный платок, подобно тому, как носят и теперь женщины у манси и ханты. Можно предположить, что эта женщина изображает жену князька. Ребенок, судя по одежде, — мальчик, одет в белую парку, также украшенную по подолу полосой орнамента.

У самой двери изображены еще две фигуры — пожилого мужчины и юноши. Судя по их позам, это просители, явившиеся к князьку.

В нижней части шторки изображена Обь, на которой расположены „Князь юрты“.[1]

На берегу лежит лодка, по берегу идет человек с веслом в руке. На человеке надета малица — одежда из оленьих шкур мехом внутрь, надеваемая через голову, с пришитым к вороту капюшоном. Малица покрыта красной материей. В левой руке у человека палка с крючком на конце, по всей вероятности, багорок для подхватывания попавшей в сеть рыбы.

Над лодкой растянута для просушки так называемая „калданная сеть“. Калдан — рыболовный снаряд вроде драги. Он представляет собой большой мешок из сети, устье которого одной стороной пришито к шесту около двух метров длины. Этот шест помогает держать отверстие калдана широко отрытым. К середине шеста привязан камень, служащий грузилом. Ловец плывет на лодке и тянет за собою калдан, опущенный на веревке до дна реки. Из глубины мешка калдана идут сигнальные нити, по содроганию которых ловец узнает о зашедшей в снаряд рыбе. Тогда он быстро поднимает калдан на поверхность и выбирает попавшую в него рыбу. Если попадет крупный осетр, который может опрокинуть маленькую лодочку, его подхватывают специальным багорком и оглушают ударом деревянного молотка. Такой багорок, очевидно, и держит в руке человек, идущий по берегу. Здесь

---

[1] См.: О. Финш и А. Брэм. Путешествие в Зап. Сибирь. М., 1882 г., стр. 339 и 352.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

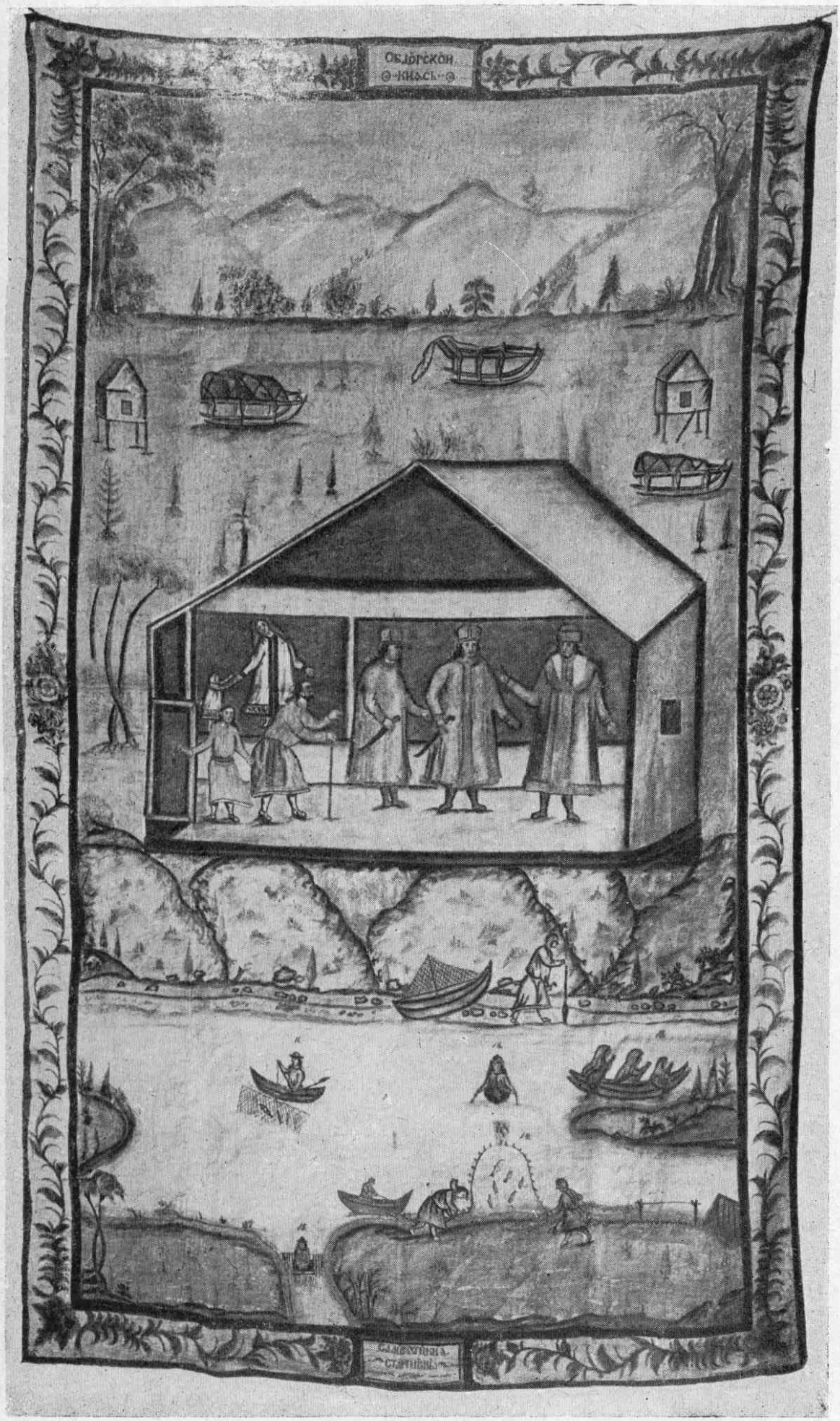


Рис. 1. Штора I. (Из колл. МАЭ, № 5753-1)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

показаны различные моменты лова калданом: ловец плывет на лодке, гребя правой рукой и держа веревку и сигнальную нить левой; момент вытаскивания калдана на поверхность.

Лодки представляют собой маленькие челноки, днище которых выдалбливается из кедра. К днищу сосновыми корнями пришиваются борта из колотых еловых досок. Борта разводятся и укрепляются в таком положении поперечными распорками (на рисунках, вследствие ракурса, они видны в виде светлых квадратиков), а швы заливаются смолой. Эти челноки бывают различной величины. Самые маленькие, рассчитанные на одного человека с небольшим грузом, называются „калданками", так как служат для описанного только что лова с калданной сетью. Калданка настолько легка, что один человек без труда может нести ее на себе.[1]

Для переездов, перевоза груза и т. д. употребляются лодки такой же конструкции, но бо̀льшего размера. Там же изображена подобная лодка. У нее показаны типичные выемки на носу и корме, характерные для обских лодок. В лодке сидят три хантыйки остячки в ярких халатах с платками на головах.

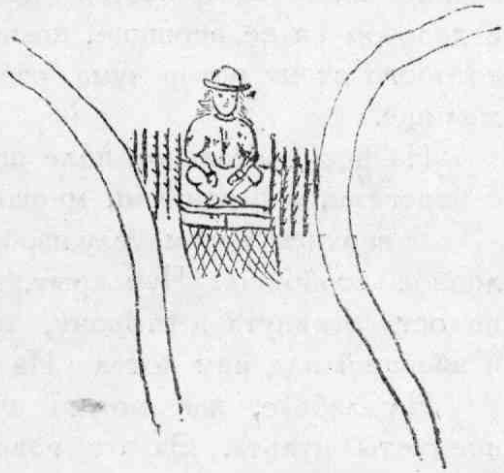


Рис. 2. Ловля рыбы „вожаном" („сежей"). Деталь шторки I.

Другой рисунок изображает неводьбу. Два человека вытаскивают невод, внутри которого видна рыба. Слева от них у берега стоит челнок, на котором невод завозился в реку. Судя по челноку, невод очень маленький, так как при неводе даже средней величины приходится связывать два челнока для большей грузоподъемности и устойчивости.

Правее на берегу видны вешала для сушки невода и шалаш, в котором живут рыбаки.

Слева изображен лов рыбы „сежей" (рис. 2) на небольшой протоке. „Сежа", „вожан" или „чердак", как и калдан, состоит из сетного мешка. Этот мешок устанавливается в воротцах закола, устроенного поперек реки или протоки. Нижний край отверстия сети пришивается к Т-образной перекладине длинного шеста. На концах этой перекладины имеются широкие кольца, скользящие по кольям, образующим воротца. С помощью шеста нижний край отверстия мешка опускается до дна реки, и шест закрепляется в этом положении специальной петлей. Над воротцами устраивается небольшой помост, на котором сидит ловец. Он держит в руках сигнальные нити, идущие из глубины мешка, и по содроганию этих нитей узнает о рыбе, зашедшей в сеть. Сбрасывая петлю, он

---

[1] См.: Г. Д. Дмитриев-Садовников. Ваховской област. Ежегодник Тобольского губернского музея за 1911 г., вып. XXI, Тобольск, 1913 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

освобождает тогда шест с перекладиной, который, всплывая, закрывает отверстие сети. Последнюю затем поднимают на поверхность, чтобы выбрать из нее рыбу.[1]

Шторка II (рис. 3). Размеры: 1305×800 мм. По материалу и обрамлению подобна первой, отличаясь лишь формой цветов и листьев бордюра. В нижней части рисунка надпись „Гу́ба Мо́рскла“ — рисовал Николай Шахов.

Рисунки этой шторки изображают жизнь и летние промысла ненцев и хантов в устье Оби и Обской губе, наиболее северной части территории, представленной на шторках Шахова.

Декоративный задний план представляет собой равнину с невысокими всхолмлениями, поросшую невысокими, редкими деревьями. По краям задний план завершается двумя холмами: левый — в виде сопочки с деревом на ее вершине, правый — в виде высокого мыса, на вершине которого стоит остов чума, вешала для сушки рыбы и сетей и летнее жилище.

На всем остальном поле шторки нарисована Обская губа и ее салмы с берегами, изрезанными многочисленными протоками и заливами.

В верхнем левом углу изображен мыс, на котором расположено рыболовное стойбище. Чум крыт, повидимому, оленьими шкурами. Дверная полость откинута в сторону, так что виден горящий внутри чума огонь и висящий над ним котел. Из дымового отверстия идет густой дым.

На лабазе, как можно предположить, находятся идолы и другие предметы культа. За это говорит то, что лабаз стоит позади чума, в месте, считающемся священным, и то, что он покрыт красным материалом — скорее всего сукном. Культовой характер лабаза следует также из аналогии с лабазом (внизу направо), значение которого несомненно.

Временное летнее жилище, изображенное здесь, широко распространено среди хантов и манси. Остов такого жилища делается из жердей. Крыша двускатная или округлая, из согнутых ветвей. По остову шалаш покрывается берестой или пихтовой корой, которая сверху прижимается еще рядом жердей.

Лодка вытащена на берег и перевернута вверх дном. К лодке прислонено типичное для хантов и манси весло с листовидной лопастью. Рядом с лодкой стоят вешала, на которых развешан для просушки невод. Мотня его подперта шестом. Ближе по берегу тоже вешала, но для сушки рыбы. На длинных спицах нанизана распластанная рыба, очищенная от голов и костей.

На берегу стоит мужчина с веслом в руке, подающий связку рыбы женщине. Женщина сидит на корточках и пластает на доске рыбу. Рядом с доской стоит миска или, скорее, чуман (четырехугольная миска из бересты), в которую обычно складывают чищеную рыбу и кишки, предназначаемые на вытопку жира. Женщина одета

---

[1] См. Сабанеев. Рыбы России, М., 1875 г. — U. Sirelius. Über die Sperrfischerei bei den Finnisch-Ugrischen Fölkern. Helsingfors, 1906.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

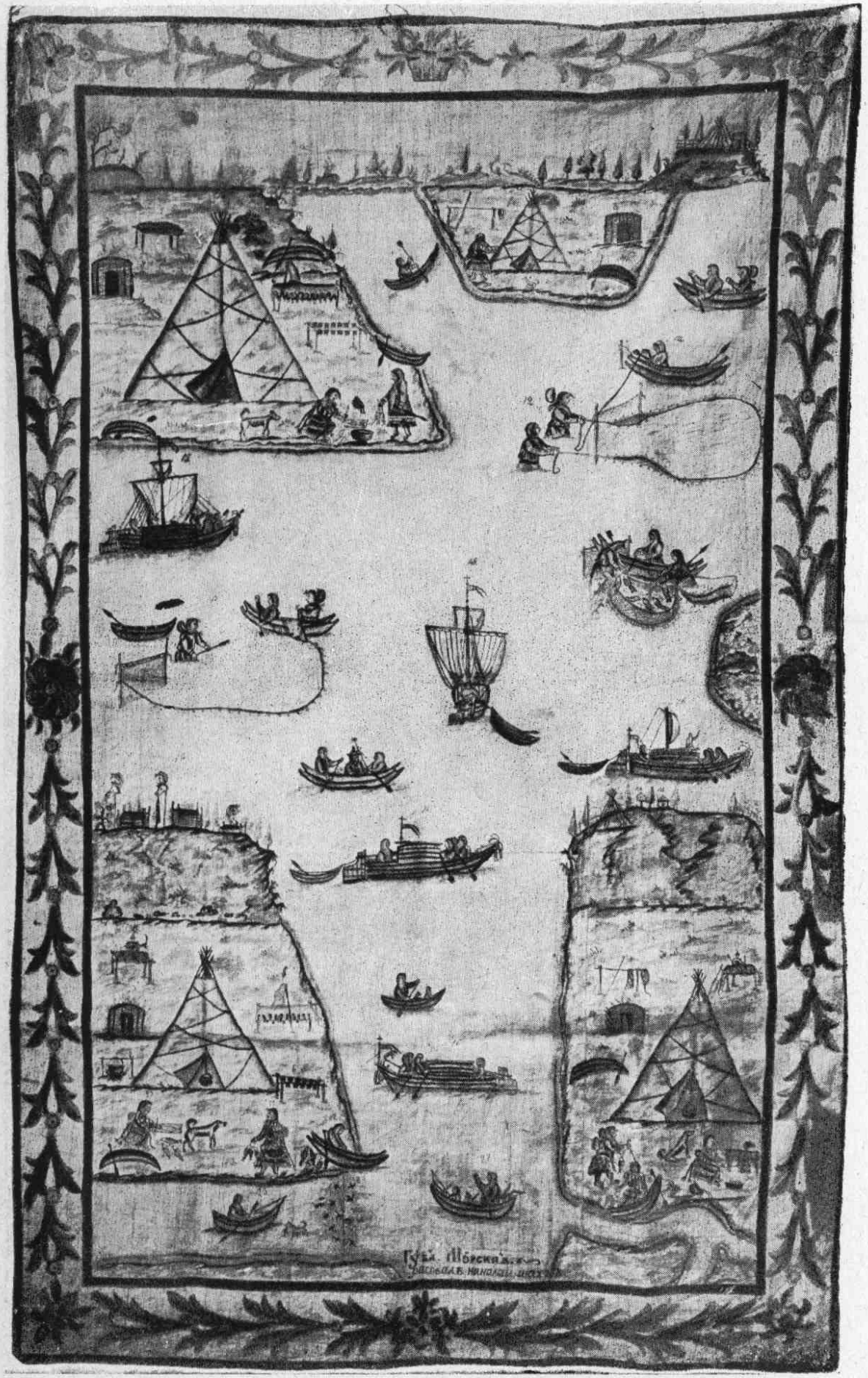
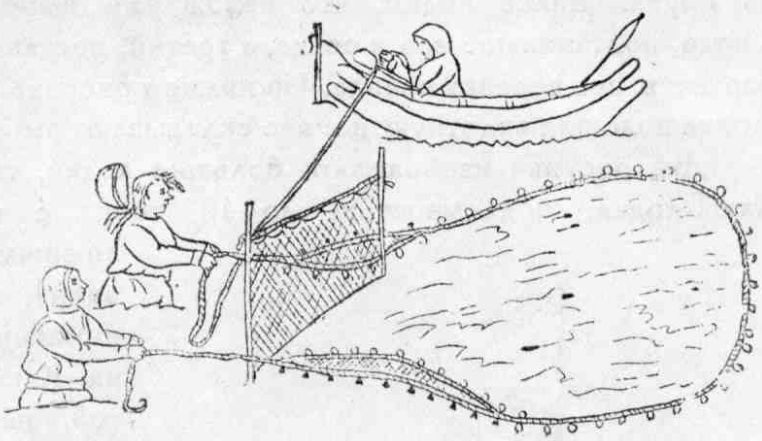
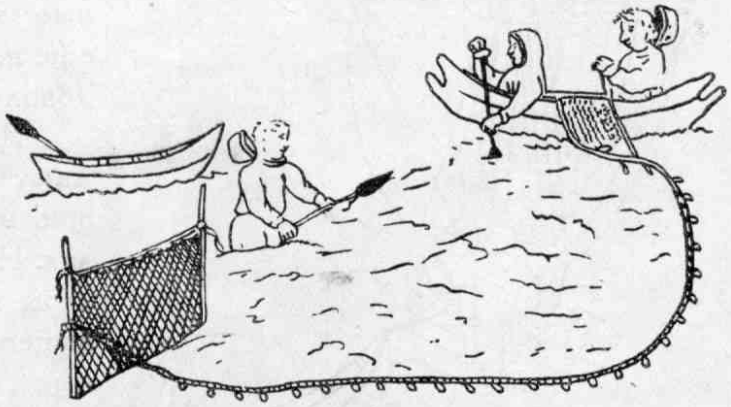


Рис. 3. Шторка II (Из колл. МАЭ, № 5753-2).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

в расшитую цветным сукном ягушку ненецкого типа. Ее капор лежит тут же. Надо думать, что художник расцветил ягушку излишне щедро, так как летом, да еще на рыбном промысле, надевают старую вытертую одежду, потерявшую уже значительную долю своей яркости. По спине у женщины спускаются косы, обвитые красными шнурками и украшенные медными привесками. Картина стойбища дополняется собакой, ожидающей когда ей что-либо перепадет, и лодками, вытащенными на берег.





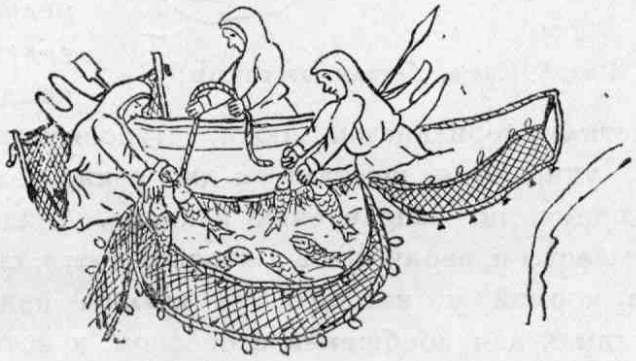


Рис. 4. Сцены неводьбы в Обских салмах. Детали шторки II.

Вверху посредине изображен мужчина, переплывающий протоку на маленькой лодочке. Он гребет двухлопастным веслом, которое нередко можно встретить в низовьях Оби. На мысу, к которому подплывает лодка, расположено соседнее стойбище, состоящее из чума и жилища из коры. В отличие от предыдущего изображения стойбища невода здесь не видно, и шест, которым подпирают мотню, прислонен к вешалам. Очевидно, обитатели находятся на рыбном промысле, и их, по всей вероятности, художник изобразил плывущими на лодке, в которой видна сложенная сеть. Оба гребца в цветных „гусях“ — одежде покроя малицы, но из сукна, причем у сидящего позади капюшон откинут с головы.

Ниже (рис. 4) изображены три последовательных момента неводьбы на салмах — отмелых пространствах. При далеко тянущихся отмелях и маленьких неводах, последние приходилось заметывать не с берега,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

а вдали от него, и пританивать к сетке, натянутой между двух кольев. На рис. 4 показано заметывание невода. Крыло его привязано к одному из кольев сетки. Два рыбака на лодке заводят невод, а третий рыбак, стоя в воде с веслом в руке, пугает рыбу, не давая ей выйти из круга. Далее видим, что невод уже выметан. Два рыбака, стоя в воде, подтанивают его к сетке, а третий, поставив лодку на причал, подбирает в нее веревку невода. На нижнем рисунке кольцо невода сомкнуто. Лодка подошла вплотную, и в нее складывают рыбу, выбираемую из невода.

Два рисунка изображают большие лодки, так называемые „каюки". Каюк-лодка, подъемностью до 10 тонн, с высоким носом, позволяющим каюку подниматься на волну, и длинной каютой, занимающей среднюю часть судна. Каюк оснащен одной мачтой, на которой поднят прямой парус. Каюки, изображенные здесь, кроме грота несут еще небольшой марс — явление довольно редкое (рис. 5).

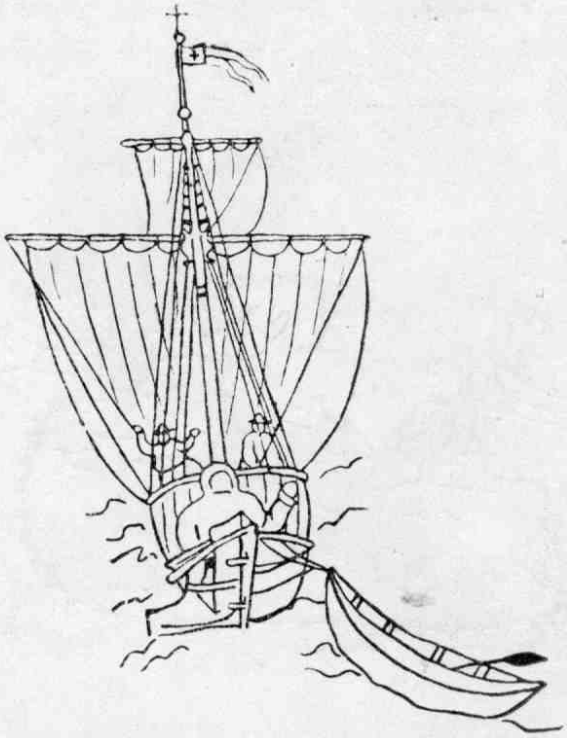


Рис. 5. Каюк. Детали шторки II.

Два других рисунка изображают такие же каюки, но идущие не под парусами, а на веслах. На каждом сидит по две пары гребцов, а на каюке, входящем в устье протока, стоит еще человек с шестом, которым он помогает гребцам. На мелких местах каюки обычно ведут на шестах, для чего вдоль каждого борта устраивается узкий настил с перильцами. Люди, становясь в носовой части этих настилов, упираются шестами в дно реки, толкают каюк вперед, идя в то же время, по направлению к корме. Дойдя до конца настила, поднимают шесты и, вернувшись к носовой части, снова опускают их в воду.

За кормой у каждого из каюков привязана небольшая лодка, необходимая для сообщения с берегом, к которому каюк, при его значительной осадке, в отмелых местах подойти не может.

Тут же изображены два ханты, плывущих в лодке. Они везут, повидимому, идола, как можно предположить по одетому на него головному убору — остроконечной шапке с кистью на ее верхушке. Идолов, в тех случаях, когда они хранились в самом селении, с переездом рода на летнее стойбище брали с собой. Несколько непонятно в этом рисунке наличие в лодке еще какого-то животного, определить которого по рисунку трудно. Скорее всего можно допустить, что это олений теленок, предназначенный для жертвы. Белый цвет животного подтверждает такое предположение.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

В левом углу шторы изображено стойбище, расположенное на низком луговом берегу. Картина стойбища существенно ничем не отличается от описанного выше, за исключением лишь большого количества фигур. Дополнением является священный лабаз, к которому добавлена фигура идола. Идол антропоморфный, одет в красную одежду с бахромой. На голове у него коническая шапка с султаном из красных и зеленых лент. Идол изображен держащим в левой руке саблю. Трудно допустить, чтобы Шахову не доводилось видеть хантыйских идолов и что хотя бы по-наслышке он не знал об отсутствии у них рук. Следует предположить, что такое наивное изображение идолов (рис. 6), в виде реалистической человеческой фигуры вытекает из художественной манеры Шахова, находящейся целиком под влиянием рисунка

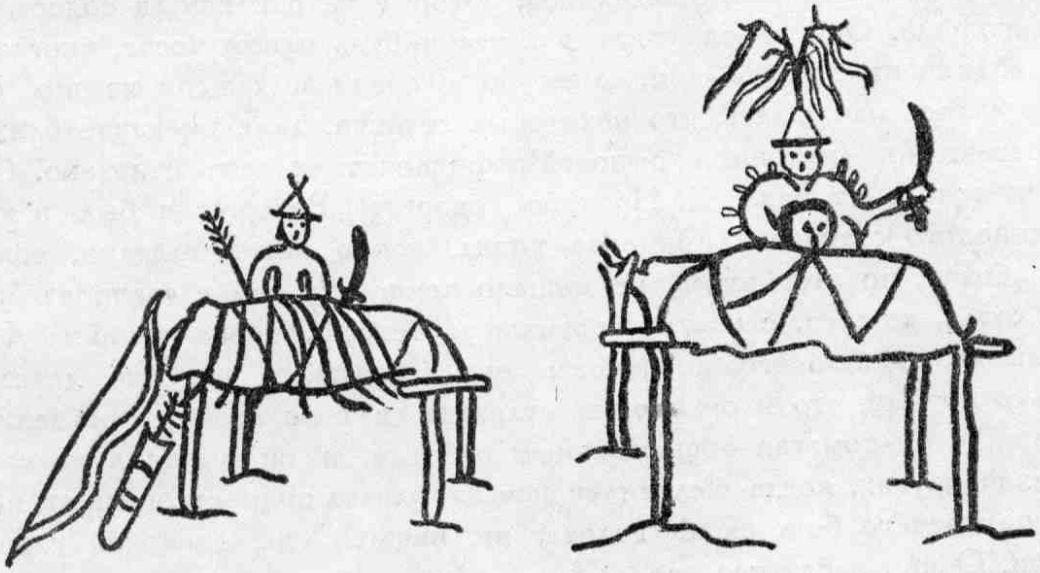


Рис. 6. Идолы. Детали шторки II.

XVIII и даже XVII вв. На животе идола изображен круглый предмет, закрашенный желтым. Скорее всего это металлическое блюдо или тарелка, игравшие известную роль в культе хантов и манси, о чем упоминали некоторые путешественники.

Так, согласно Ф. Белявскому, цитирующему сообщение штаб-лекаря Г. Шаврова, один из родовых идолов, которого Шавров именует Лонг, представляет собой „большой мешок, набитый туго разного рода рухлядью и весьма крепко завязанный: по середине мешка сего привязана серебряная тарелка, дном к мешку, а углублением к наружной стороне“.[1]

Роль металлических блюд и тарелок в культе хантов и манси разобрана нами детальнее в другой работе[2], почему останавливаться здесь подробнее на этом вопросе не представляется необходимым.

К северу от стойбища низкий луговой берег переходит в высокий обрывистый мыс, на котором расположено кладбище, состоящее из трех

---

[1] Ф. Белявский. Поездка к ледовитому морю. М., 1833, стр. 97.

[2] В. Н. Чернецов. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье. Труды Института этнографии, т. I. М., 1947.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

могил. Несмотря на схематичность и слабость рисунка художник правильно показал срубы, типичные для распространенного среди хантов наземного погребения. Рядом с могилами на кольях надеты оленьи черепа, остатки жертвоприношений. Изображенное кладбище, в целом, очень близко напоминает рисунок могил у северных хантов, приведенный в работе Карьялайнен.[1]

В правом углу изображено еще одно стойбище, также состоящее из чума, жилища из коры и т. д. Одна женщина нарисована за приготовлением пищи у наружного костра, на котором висит котел, другая стоит у лодки, из которой она вынула связку рыбы. Рядом изображен старик, с клюкой. В правой руке он держит рыбу, за спиной у него привязана котомка. По всей вероятности, Шахов изобразил одного из бессемейных стариков-инвалидов, которые находились на содержании у всего рода. Они иногда жили в каком-нибудь одном месте, иногда же переходили из дома в дом, живя по очереди в каждом из них. Нам приходилось наблюдать, что некоторые старики, даже имеющие близких родственников (например сыновей), предпочитали жить отдельно. Описывая такого старика, К. Носилов говорит: „Вечером я был в юрте у одинокого старика... Он едва ходил, плохо видел глазами, совсем не работал, но это никому не мешало приносить ему с «запора» рыбы для котла, из леса, с ловушек погнившую тетерю, делиться с ним куском промысла, одевать его, починивать его заплаты, и все это делалось только потому, что и он кормил стариков в свое время, и он делился с ними, и он помогал общественным работам, и он выносил во время болезни других, когда был силен и вскармливал подростков-сирот, и ему поэтому нечего бояться ни голода, ни нищеты, ни одинокой горькой жизни. О нем заботятся все...“ [2]

Позади чума стоит священный лабаз с идолом, подобный описанному в предыдущем стойбище. Идол изображен держащим в руках саблю и стрелу. Лук и колчан прислонены к лабазу. Лук, стрелы, сабля, а иногда и копье, являются обычными атрибутами мансийских и хантыйских антропоморфных идолов, относящихся, как правило, к эпохе отцовского рода и изображающих мифических предков-богатырей. Об этом упоминает и Гр. Новицкий: „...знамения воинских дел: шабель, панцырев множество обретается... наипаче при кумирах...“ [3]

Далее за стойбищем берег, так же как и по левую сторону Оби, поднимается высоким мысом, на котором расположен маленький поселок, скорее всего весенний, состоящий из одной юрты, рядом с которой стоит чамья — амбарчик на высоком столбе. Немного ближе виден остов чума.

На реке между стойбищами оживленное движение. На маленькой лодочке едет ханты с мальчиком и собакой, плывет каюк, двое мужчин с луками и собакой выехали в лодке на утиную охоту (рис. 7).

---

[1] Karjalainen. Die Religion d. Jugra — Fölker, I. Helsinki, 1921, стр. 113.

[2] К. Носилов. У вогулов, СПб., 1904, стр. 26.

[3] Гр. Новицкий. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное... в 1715 г. Изд. Майкова, СПб., 1884, стр. 44.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

Поперек устья небольшой протоки укреплена на веревке сеть. В эту сеть охотники и загнали уток. Утки запутались в сети, некоторых же, которые могут из нее вырваться, охотники убивают стрелами. Из протоки к сети подплывает другая лодка (рис. 7), в которой сидит один человек, тоже с луком. Его собака уже возвращается к лодке, держа в зубах убитую утку.

Шторка III (рис. 8). Размеры: 1305×740 мм. По материалу и обрамлению подобна предыдущим, отличаясь лишь формой цветов и листьев бордюра.

В верхней части рисунка надпись „Обдорская Крѣпость". Внизу в рамке бордюра „Писалъ Николай. Шахъ" (Шахов).

Рисунки шторки изображают Сале-Хард и прилегающую к нему местность. В верхней части виден самый городок, расположенный на трех холмах на берегу реки Полуя. Задний план в левом верхнем углу украшен деревьями, в число которых художник, пренебрегая

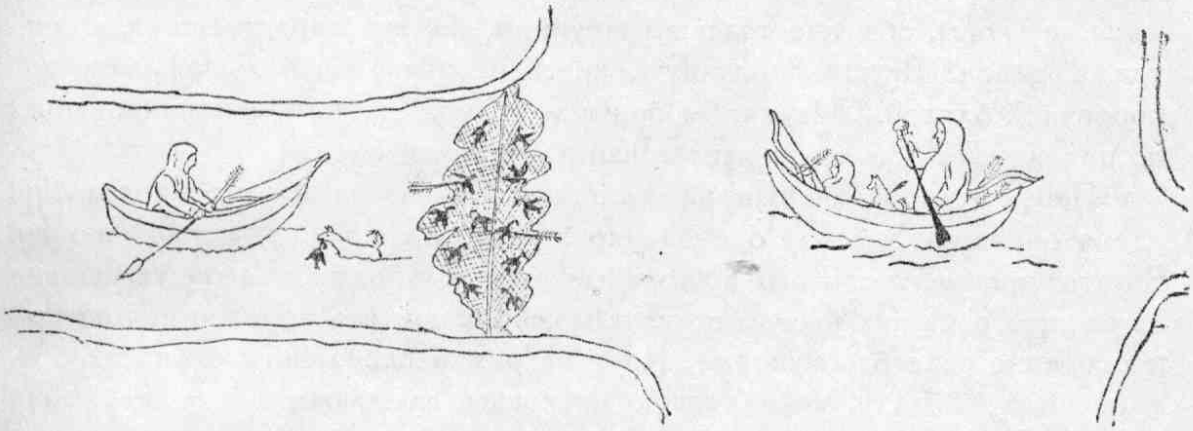


Рис. 7. Сцены охоты на уток с сетью и луком. Деталь шторки II.

натурой, ввел даже пальмы. В правом верхнем углу нарисована картушка компаса. Части света обозначены латинскими буквами N, S, W, O; а север, кроме того, помечен и обычным для морских карт знаком, изображающим стилизованную в виде бурбонской лилии стрелку.

На долине, раскинувшейся по левую сторону реки Полуя, художник изобразил быт кочевников-оленеводов и езду на оленях и собаках. При этом он, как мы уже только что наблюдали, очевидно в угоду декоративности, пренебрег условиями времени года и изобразил повсюду довольно пышную зеленую растительность, какую никак нельзя ожидать в низовьях Оби в это время года. Время это не может быть ранее поздней осени, так как оленеводы подходят к Сале-Харду лишь после замерзания рек, т. е. в октябре.

В центре шторки изображен в крупном масштабе чум, покрышки которого откинуты неестественно широко, чтобы показать внутренность жилища. Чум нарисован схематично, особенно дымовое отверстие и место пересечения шестов. Так же неправильно изображены шесты, поддерживающие котел, которые художник, в целях удобства изображения,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

расположил в плоскости, не соответствующей действительности.[1] Внутри чума горит огонь, над которым повешен котел. Справа от него сидит женщина с ножом в руке, занятая приготовлением пищи. По другую сторону очага — мужчина. Он закуривает трубку, которую придерживает правой рукой. В левой у него щепка, послужившая для прикуривания.

Позади чума, левее от него, изображена поимка оленя арканом в стаде. Петля затянулась на шее животного, которое бьется и упирается. Часть оленей при этом разбегается, но их задерживает собака, забежавшая вперед. Она стоит около дерева и лает на важенку (матку), позади которой бежит теленок. Другие олени продолжают спокойно пастись.

Рядом с чумом нарисована женщина, увязывающая груз, положенный на нарту. Как эта, так и другая нарта изображены лишь с приблизительной точностью, и копылья, наклоненные всегда несколько назад, показаны здесь поставленными вертикально. На женщине одета ягушка ненецкого типа, богато орнаментированная и украшенная цветным сукном. На голове у нее меховой капор, по-ненецки *саво*. По спине свешиваются две косы, обвитые красным шнурком, как это характерно для хантов и манси. Ягушка подтянута красным поясом с большой латунной прорезной бляхой. У мужчины парка из белых шкур, орнаментированная по подолу. В руках он держит аркан для поимки оленей.

Перед чумом изображена женщина, едущая на нарте, запряженной двумя оленями. Уздечки оленей украшены кистями из крашеной замши. Богато орнаментированы и поясные ремни упряжи. Такое украшение из нашитого на них цветного сукна можно встретить нередко на женской и особенно свадебной упряже. Круг на ремне передового оленя изображает медную бляху, укрепленную на крюке, служащем для поддержания вожжи. Женщина, сидящая на нарте, одета так же как и предыдущая. Хорошо видна поясная бляха, хотя художник и поместил ее ошибочно слишком высоко. В нарте у женщины лежит ребенок, покрытый красным сукном.

Ниже расположено изображение мужчины на оленьей нарте.[2] Поза его несколько непонятна. Возможно, что художник хотел изобразить мужчину сидящим, подобравшим под себя ноги, что является, впрочем, положением не совсем обычным. На мужчине надета малица, с характерным для манси и хантов окаймлением капюшона белым мехом. Харей, который он держит в левой руке, снабжен на заднем конце копьевидной насадкой. Такие насадки часто встречаются и в настоящее время. Теперь роль их чисто декоративная, но в прошлом харей служил одновременно и оружием. В нарте лежит груз, покрытый оленьей шкурой, конец которой свешивается сзади. При этом свешивающаяся часть изображена слишком длинной. Позади нарты бежит олений теленок, из чего следует, что один из оленей, запряженных в нарту, — важенка. У более крупных

---

[1] В. Н. Чернецов. Чум. Советская этнография, № 6, 1936.

[2] Фигура эта помечена *8* на самой шторке, впоследствии этот номер был переправлен карандашом на *9*.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

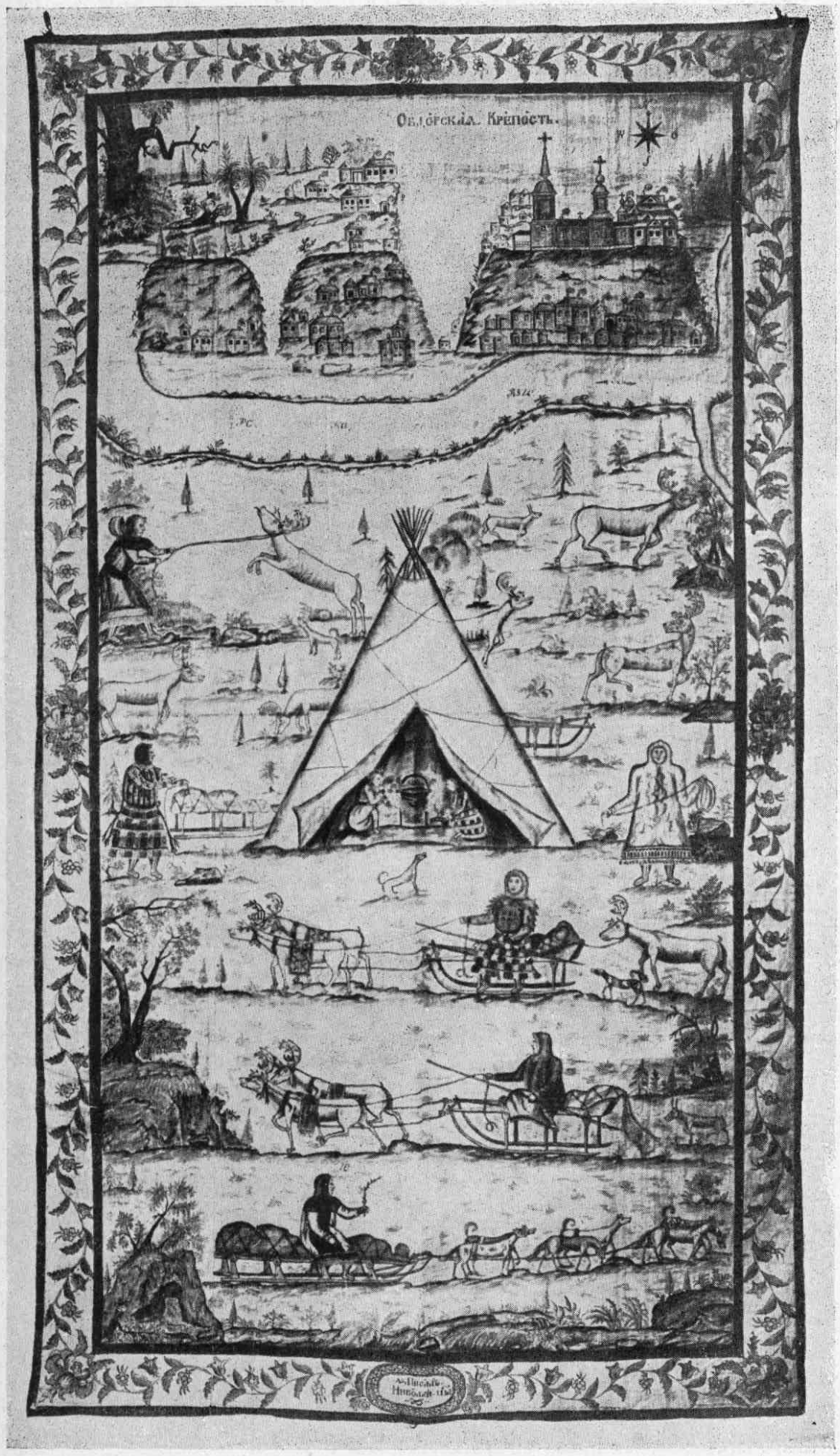


Рис. 8. Шторка III (Из колл. МАЭ, № 5753-3).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

оленеводов, какими являются ненцы, важенка не служит упряжным животным, и ездят на них лишь в малооленных хозяйствах, какими, в общей массе, и являются хантыйские и мансийские.

В самом основании шторки (рис. 9) изображен ханты, едущий на нарте, запряженной собаками.[1] На нем надета парка, сшитая из темного и белого меха. Подол парки опушен полоской собачьего меха. Нарта резко отличается по конструкции от предыдущих. Оленья нарта, как и все оленеводство хантов и манси, ненецкого типа. Здесь же изображена собачья нарта. Она длиннее, ниже и уже. Копылья не только вдолблены в полоз, но и привязаны к нему специальными оттяжками. Передние концы нащепов также лишь привязываются к головкам полозьев. Такой способ крепления представляет собой пережиток, отражающий весьма архаическую технику, когда при несовершенных каменных и бронзовых инструментах было затруднительным изготовление гнезд и шипов. Способ

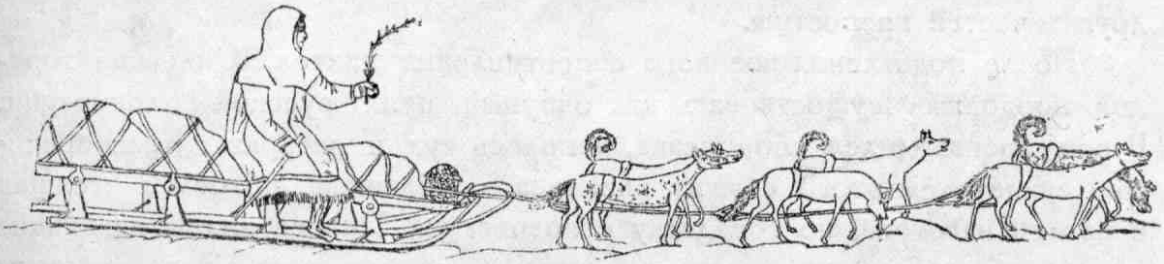


Рис. 9. Езда на собаках. Деталь шторки III.

крепления привязкой встречается в конструкции нарт и других народов Сибири, причем полнее всего он представлен в чукотской нарте, где шипы отсутствуют совершенно. Передний конец нарты снабжен особой деревянной дугой, называемой бараном. Благодаря своей упругости баран ослабляет толчки, если нарта ударяется о дерево или пень. На нарте лежит груз, покрытый красной материей, а на передке стоит круглая корзиночка, какие обычно плетутся из сосновых корней. В нарту запряжено шесть собак, расположенных попарно на общем потяге. Упряжь состоит из мягкого кольца, так называемого „алыка", которое опирается на подвздошные кости. Этот способ запряжки распространен по Оби и, отчасти, по Енисею среди кетов. Он чрезвычайно несовершенен и его можно рассматривать как очень архаический.

Как на описываемой, так и на предыдущей шторке, женские костюмы все без исключения ненецкого типа. Это явление весьма характерное для хантов низовьев Оби, объясняется очевидно тем, что они очень часто берут жен из ненецкой среды. Оно четко прослеживается и по материалу из хантыйского могильника XVIII—XIX вв. близ Сале-Харда, где женские погребения содержат предметы, характерные для ненецкого костюма — поясные бляхи, подвески для капоров и пр.

---

[1] Фигура первоначально была помечена *9*, на самой шторке впоследствии переправлена карандашом на *10*.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

Шторка IV (рис. 10). Размеры: 1300 × 805 мм. Материал, швы и обрамление тождественны предыдущим номерам.

Изображение этой шторки охватывает территорию, расположенную несколько южнее, именно, верхнее течение реки Казыма. В верхней части шторки имеется надпись „Казымской Городокъ". Изображение его находится непосредственно под надписью. „Казымский или Юильский городок" — острожек, некогда стоявший на берегу Казыма; он состоял из небольшой крепостцы, срубленной из лиственничных бревен. Остатки этой крепостцы сохранялись еще до недавнего времени и были, к счастью, сфотографированы И. Шуховым, во время его поездки по Казыму в 1910 г. Теперь, насколько нам известно, постройка обрушилась окончательно. Четырехугольное строение на фотографиях Шухова, при сличении с рисунком Н. Шахова, оказывается надворотной башней. Это же сличение показывает большую точность рисунка Шахова в изображении башни, что дает полное основание доверять ему и в отношении других частей крепостцы.

После подавления военного сопротивления хантов Юильский городок продолжал существовать как опорный пункт русской колонизации. В нем производился сбор ясака, чинились суд и расправа. Красноречивым свидетелем этого служит виселица, срубленная „покоем", стоящая с петлей наготове, по соседству с крепостцей. Правее видны низенькие маленькие строеньица, расположенные в четыре ряда. Это не юрты хантов, как можно было бы предположить с первого взгляда. Несмотря на схематичность построек на рисунках Шахова, он все же отмечает характерные черты различных типов строений и, во всяком случае, изображает трубу. По всей вероятности, хибарки эти представляют собой домики для ездовых собак. Остатки таких домиков, как мне приходилось слышать, существовали в Юильском городке еще недавно, сохранившись с тех времен, когда они были необходимы во время приезда хантов для уплаты ясака.

Собаки были некогда единственным видом упряжных животных среди обских угров, и оленеводство, появившееся около середины II тысячелетия, будучи заимствованным от ненцев, еще долго не могло вытеснить езды на собаках, не исчезнувшей окончательно и теперь.

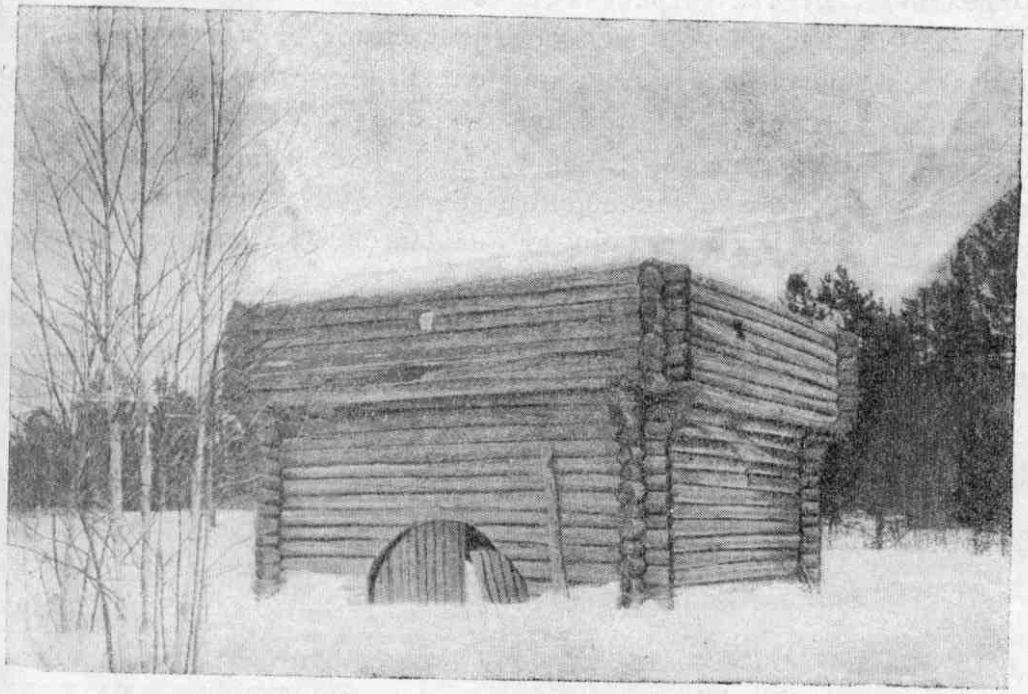
В правой стороне сверху изображен ханты, стреляющий белку из лука. Форма лука дана Шаховым неверно. Лук у хантов и манси не имеет изгиба в средней части и в натянутом состоянии образует совершенно равномерную дугу. Стрела изображена правильно, тупая, с утолщением на конце. Такие стрелы иногда с дополнительным коротким, коническим острием из кости употреблялись для охоты на белок. Удобство пользования такими стрелами заключалось в том, что, с одной стороны, они не рвали шкурку, а с другой — не вонзались в дерево. Совершенно подобная же фигура охотника, стреляющего белку, повторена немного ниже. Слева от казымского городка, на высоком мысочке изображен остов чума, чамья на высоком столбе и загон для оленей, в котором стоит сарай. Подобные сараи служат в летнее время для

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

Рис. 10. Шторка IV (Из колл. МАЭ, № 5753-4).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

оленей убежищем от комаров, для чего внутри раскладывается дымный костер (см. шторку V).



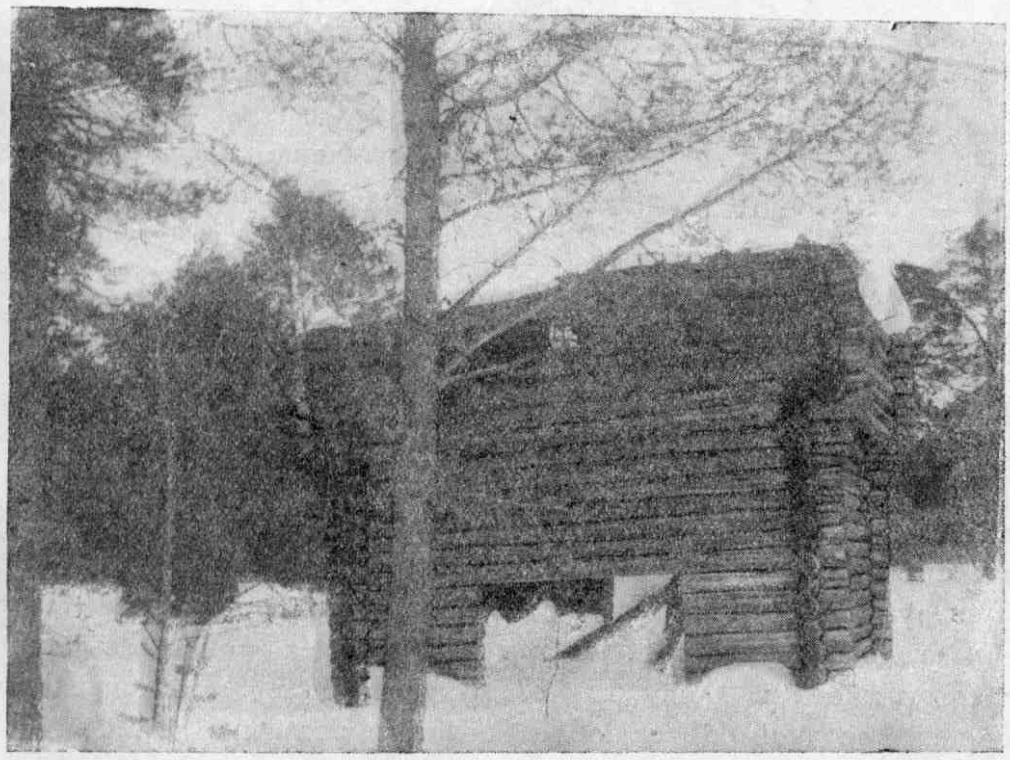


Рис. 11. Развалины острожка в Юильском городке.

На левом берегу Казыма и слева на рисунке изображена ловчая загородь, с попавшим в нее оленем (рис. 12).

Загородь изображена художником неточно, так как обычно устраивается или в виде прясла в одну-две слеги, или засекой. Длина ее

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

бывает различна, достигая иногда 10—15 и более километров, а направление выбирается так, чтобы оно пересекало звериные тропы и переходы. В определенных местах устраиваются воротца, в которых устанавливают самострелы. От спускового приспособления самострела поперек прохода протягивается тонкая нитка. Лось или олень, встретив загородь, направляется вдоль нее, пока не дойдет до прохода. Как только он тронет нить, стрела поражает его с большой силой. Охота на зверя при помощи ловчих загородей, теперь запрещенная, была в прошлом широко распространена и потому неудивительно, что нашла свое отражение в рисунках Шахова.

Правее изображен ханты, едущий на нарте, запряженной оленями. Возможно, что это охотник, отправившийся осмотреть свои самострелы.

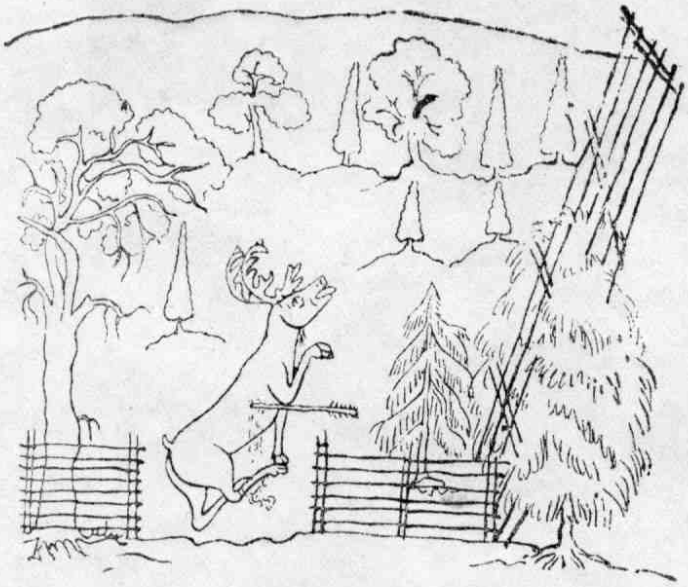


Рис. 12. Олень, убитый стрелой в ловчей загородке. Деталь шторки IV.

Следующая группа рисунков изображает зимнее селение хантов: две бревенчатые юрты, с характерными пристройками из вертикально поставленных плах перед входом. Эти пристройки служат для складывания дневного запаса дров, там же помещаются собаки, ставятся лыжи и т. д. Юрты окружены пряслом, образующим загон для оленей. В загоне двое ворот, запирающихся вдвижными слегами. Одни ворота закрыты, другие открыты и в них входит мужчина на лыжах, ведущий в поводу оленя. Три оленя и теленок уже находятся в загоне. Один из них привязан к заднему копылу нарты, стоящей на специальной подставке. Последняя состоит из двух параллельных жердей, укрепленных на четырех кольях. Другая нарта стоит рядом на этой же подставке.

С наружной стороны загона изображен ханты, ловящий арканом домашнего оленя. Аркан плетется из четырех тонких сыромятных ремешков и имеет в длину 15—17 маховых сажен. На конце к нему прикреплен костяной блочек, облегчающий затягивание петли.

Далее изображены сцены охоты на дикого оленя. Охотник с луком и посохом в руках идет на лыжах в лес. За спиной у него полный колчан стрел. Разогревшись на ходу, он отбросил с головы капюшон малицы (рис. 14).

Затем охотники уже поразили оленей и готовятся пустить по второй стреле. Художник изобразил их натягивающими лук левой рукой. Сомнительно, чтобы он сделал это преднамеренно, хотя леворукость —

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

частое явление среди хантов и манси. Примечательна также стрела, которую собирается пустить нижний охотник: у нее раздвоенный наконечник, какой обычно не применяется на крупного зверя. По всей вероятности, это ошибка, допущенная Шаховым.

На другом рисунке охотник уже поразил оленя и накладывает на лук вторую стрелу, чтобы добить ею упавшее животное.

Рис. 16 (деталь шторки IV) показывает охоту на медведя. Стрела глубоко вонзилась в грудь зверю, поднявшемуся на задние лапы, и охотник готовится в этот момент выстрелить еще раз. Очевидно он застал медведя в тот момент, когда тот задрал корову, которая лежит тут же между охотником и зверем.

Несколько ниже на шторке изображена Обь, с надписью „Река Обь", в месте впадения в нее реки Полноватки. На Оби две собаки, запряжен-

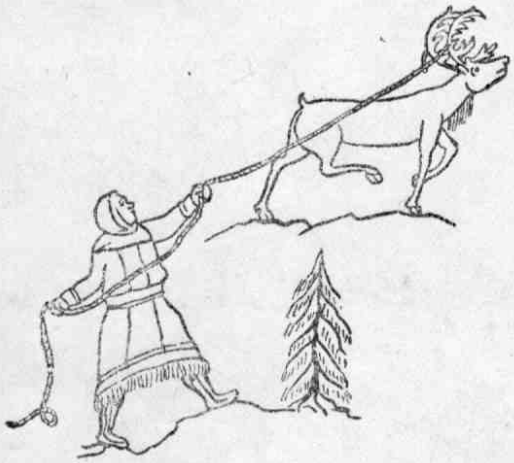


Рис. 13. Ловля оленя арканом. Деталь шторки IV.

Рис. 14. Охотник на лыжах с луком. Деталь шторки IV.

ные в маленькую нарточку, везут „морду"[1] — ловушку для рыбы, сделанную из тонких дранок, связанных сосновыми корнями. За нартой идет ханты, придерживающий ее за веревку, чтобы нарта не раскатывалась и не перевертывалась (рис. 17). Рядом с „мордой" лежит плетеный черпак на ручке для выбирания сколков льда из проруби и пешня для пробивания льда. Ханты отправился, очевидно, устанавливать ловушку. Две уже поставлены. Одна у устья маленькой речки, впадающей в Полноватку, другая у берега Оби в левой части рисунка. Здесь изображены „заезки". Это загородки из кольев и дранок, которые устраиваются поперек течения. Они называются „езами" или „запорами", если пересекают всю реку, или „заезками", если захватывают лишь часть ее. В загородке оставляются свободные промежутки и в них устанавливают „морды", которые периодически осматриваются.

В первой части рисунка, на берегу Полноватки, изображен Полноватцкой покостъ, теперь село Полноватское или Полноват, расположенное близ устья реки Казыма. Из Полновата по реке едет хантыец на нарте,

[1] „Морда" — иначе верша. У местных русских — гымга, манс, катка.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

в которую запряжена лошадь. Лошадь уже с давних пор вошла в хозяйственный обиход приобских хантов, особенно к югу от Березова. При этом и до настоящего времени лошадь чаще всего запрягают в нарту, приспособленную для глубокого снега и неровной дороги лучше русских дровней.

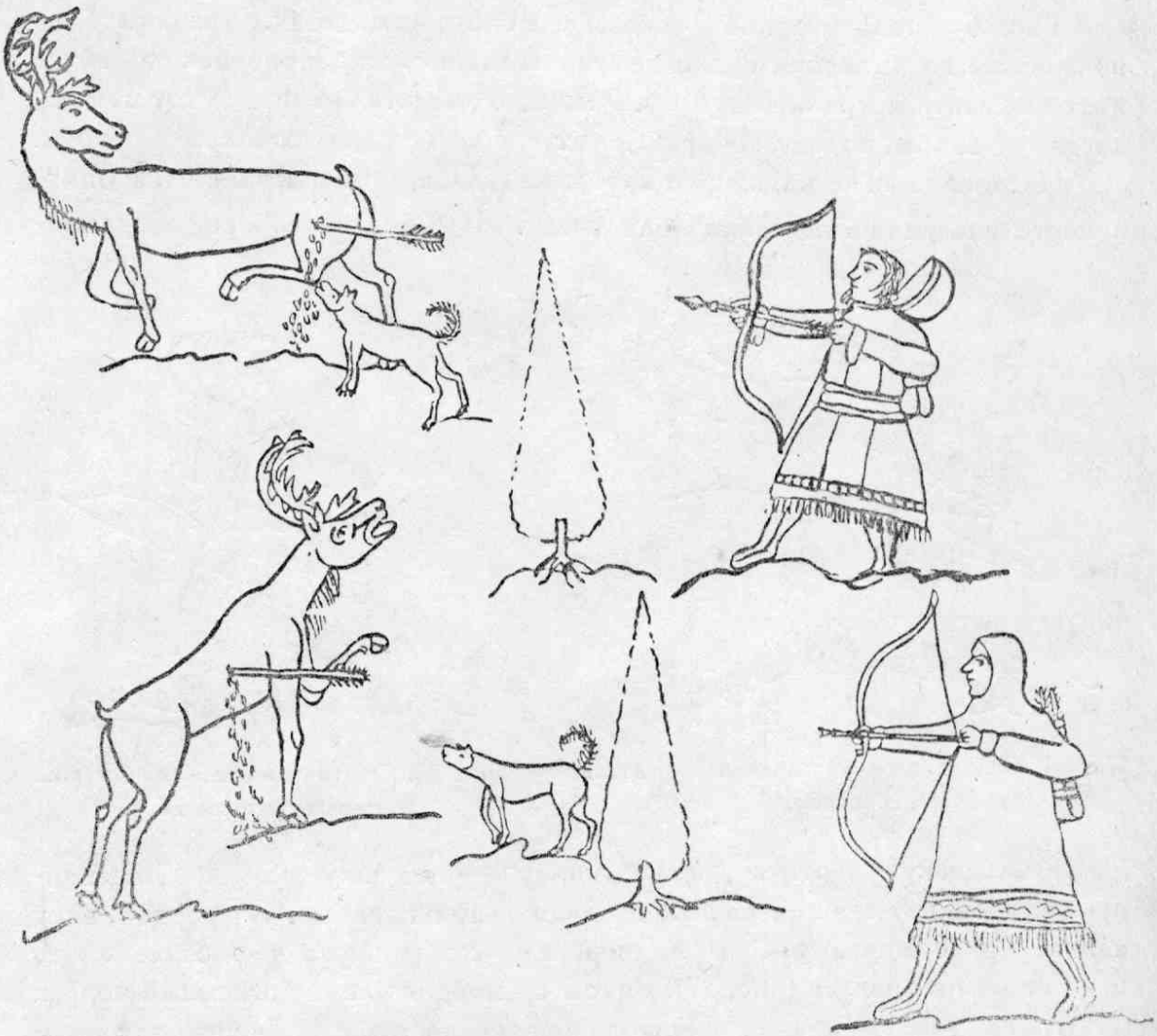


Рис 15. Охота на оленей с луком. Деталь шторки IV.

На левом берегу реки расположено стойбище, пустое в это время года. Оно состоит из юрты, справа от которой стоит чамья на четырех столбах, а слева высокий помост, служащий для сушки и хранения сетей, рыбы и складывания различного промыслового инвентаря. По всей вероятности, это весенняя юрта, в которую переселяются на время ловли рыбы и промысла уток „перевесами". Перевес — особая снасть, подробно изображенная на следующей шторке. Здесь по обе стороны от юрты видны лишь высокие шесты, на которых во время охоты поднимают сеть перевеса.

Шторка V (рис. 19). Размеры: 1305 × 770 мм. По материалу, способу сшивания и типу обрамления не отличается от предыдущих. Рисунка на этой

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

шторке, как и на шторке IV, изображают реку Казым и ее обитателей, но уже в весенней обстановке.

Рисунки в левой верхней части шторки отражают оленеводство казымских хантов. Последние не откочевывают на лето в тундру,

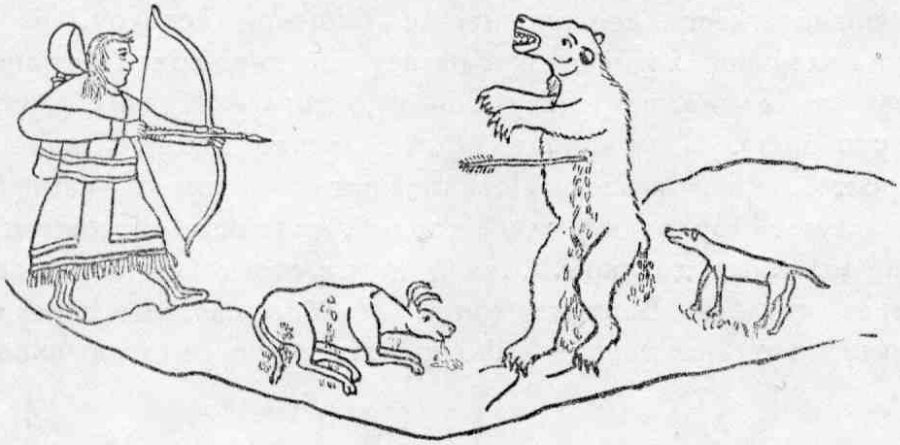


Рис. 16. Охота на медведя с луком. Деталь шторки IV.

а остаются со своими оленями в лесу. В силу этого создалась необходимость защищать оленей в летнее время от „гнуса", т. е. комаров и оводов. Для этого устраиваются специальные сараи, в которых раскладывают

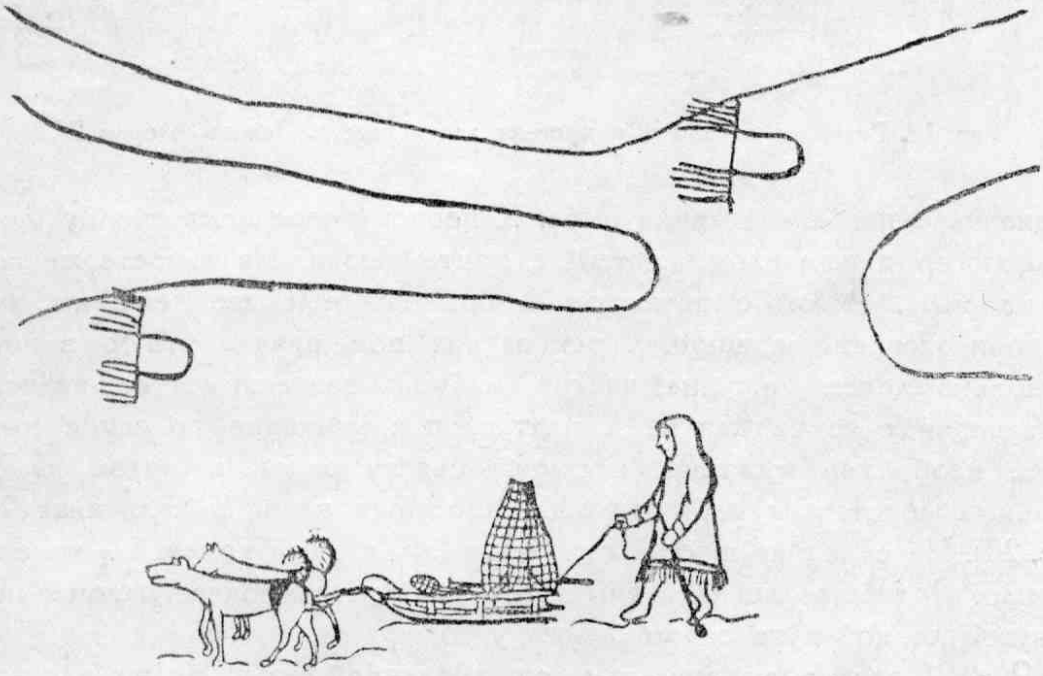


Рис. 17. Рыболов везет вершу. Деталь шторки IV.

костры, в дыму которых олени и находят себе убежище. Такой сарай, с находящимися внутри него двумя оленями, и видим изображенным на пригорке.

Весной рога у оленей начинают отрастать. Они короткие, мягкие, покрыты кожей и имеют закругленные концы. Такими и изобразил их

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

художник, за исключением двух оленей, которых он снабдил большими и разветвленными рогами. Очевидно Шахов имел в виду изобразить холощенных быков, у которых смена рогов нередко очень сильно затягивается. Справа, на высоком берегу Казыма, стоит остов чума и чамья. Это летнее стойбище, пока еще не населенное. По правую сторону Казыма видно озеро, соединенное с Казымом истоком, на котором хантыец в маленькой лодочке скрадывает какую-то водоплавающую дичь.

Слева от Казыма, на берегу Оби, художник изобразил жизнь в рыболовном стойбище. В стойбище юрта — летнее жилище, крытое корой или берестой, две чамьи. Позади юрты, рядом с чамьей, сидит остяк и плетет горловину для „морды", связывая сосновыми корнями тонко нащепленные драницы. Левее юрты стоит помост, укрепленный на четырех столбах. Верхние концы столбов связаны перекладинами, на которые положены тонкие палочки. На такие палочки нанизывается

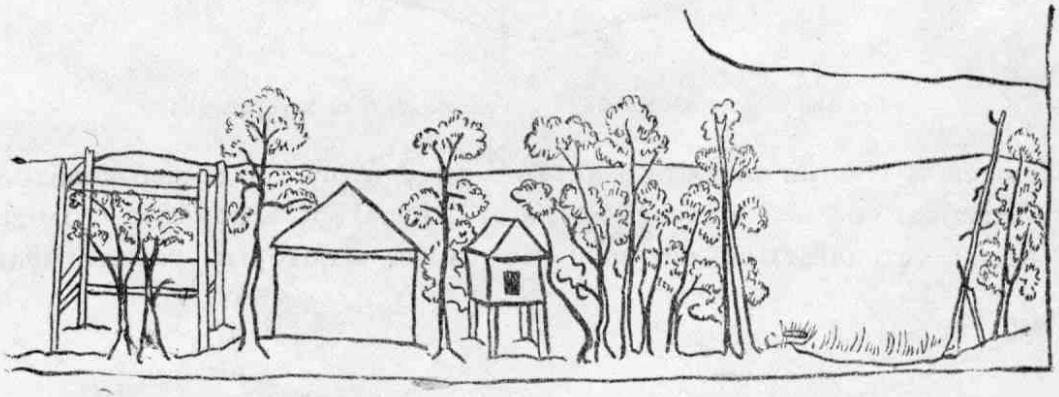


Рис. 18. Весеннее стойбище и просеки для перевеса. Деталь шторки IV.

предназначенная для вяления рыба. К первому переднему столбу привязан флюгер с вымпелом, снятый с мачты каюка. На помосте женщина чистит рыбу. Рядом с помостом изображены еще две женщины, занятые приготовлением пищи. Одна из них помешивает что-то в котле. Несколько левее женщина чистит рыбу и развешивает ее вялиться. На женщинах яркие платья и платки, покрывающие голову и плечи. Левее изображен мужчина, несущий связку рыбы, а рядом на специальных подставках растянуты для просушки невод и калданная сеть (рис. 20). На середине шеста сети виден „калданный камень" — каменное грузило. Подобные же калданные сети изображены правее, рядом с перевернутой лодкой и на самом берегу у воды.

Рис. 21 изображает моменты лова калданной сетью; видно, как ловец гребет левой рукой, держа в правой сигнальные нити. Веревка, которая идет от калданного камня, закреплена в лодке. В сеть попал крупный осетр. Узнав об этом по содроганию нитей, ловец, потянув за веревку, закрыл сеть и поднял ее на поверхность. Осетры являлись главным объектом лова калданной сетью, и один рисунок изображает ханты, несущего на спине большого осетра. Тут следует заметить, что на шторке ханты изображены в каких-то совершенно неподходящих

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

Рис. 19. Шторка V (Из колл. МАЭ, № 5753-5).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

для них головных уборах вроде шляп. По всей вероятности, это вольность, допущенная Шаховым, тем более, что и ханты и манси летом ходят почти все без исключения с непокрытыми головами. Мало правдоподобны также головные уборы и других мужчин (рис. 21 справа). Подобные уборы мне приходилось видеть только в качестве культовых (на идолах и при священных плясках, причем нет оснований предполагать, что в прошлом они применялись в качестве бытовых). Рисунок справа изображает, по всей вероятности, старшину. Он в красном халате, обшитом золотым позументом, и к нему, очевидно, обращается с просьбой ханты; видимо для того, чтобы подчеркнуть его зависимое положение, он нарисован значительно меньшего роста, чем старшина.

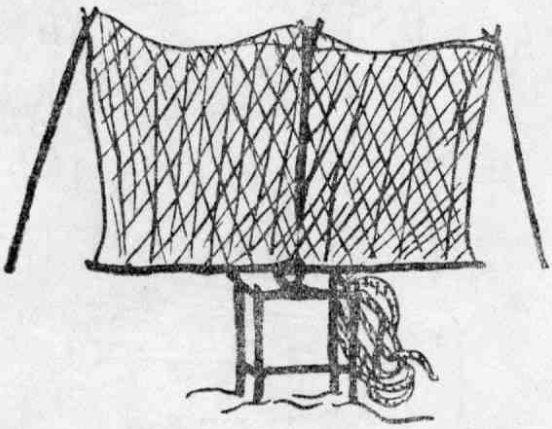


Рис. 20. Калданная сеть, растянутая для просушки. Деталь шторки V.

Группа рисунков изображает сцену неводьбы. Невод заметан, и его начинают подтягивать к берегу.

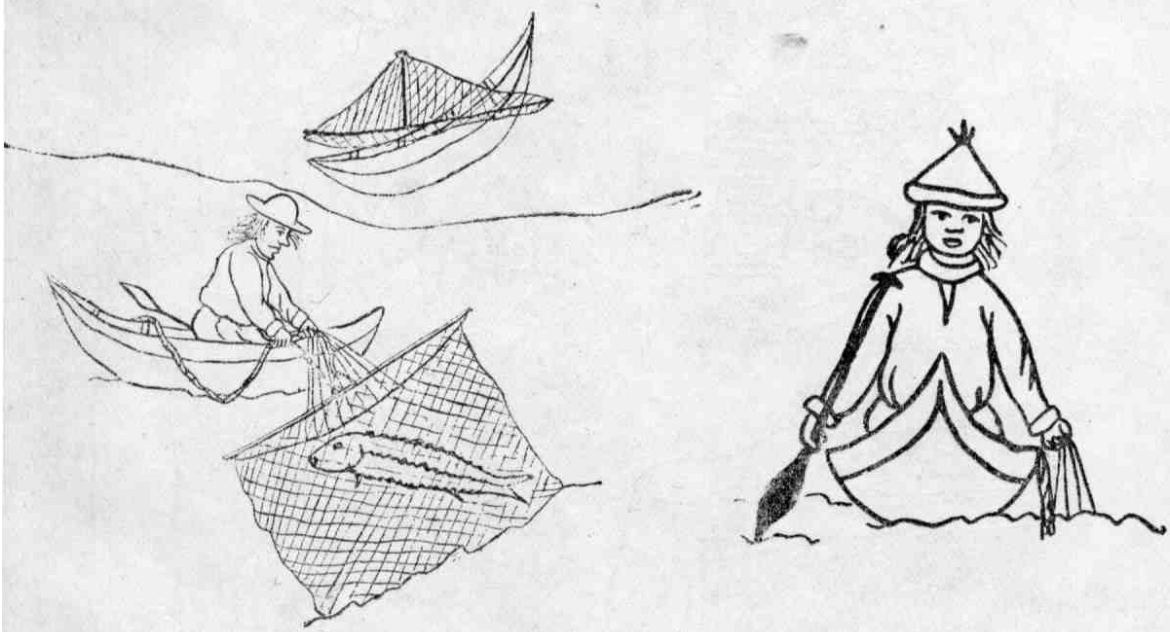


Рис. 21. „Калданят" — ловят рыбу калданной сетью. Детали шторки V.

Большого внимания заслуживают рисунки, изображающие промысел уток перевесами. Он практикуется весной и осенью, во время прилета и отлета уток.

На зорях, перелетая с озера на озеро или с озера на реку, утки избегают подниматься выше леса, растущего на перешейках, выбирая для перелетов естественные и искусственные прогалины. Охотники, используя это, прорубают на перешейках просеки, в которых на высоких

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

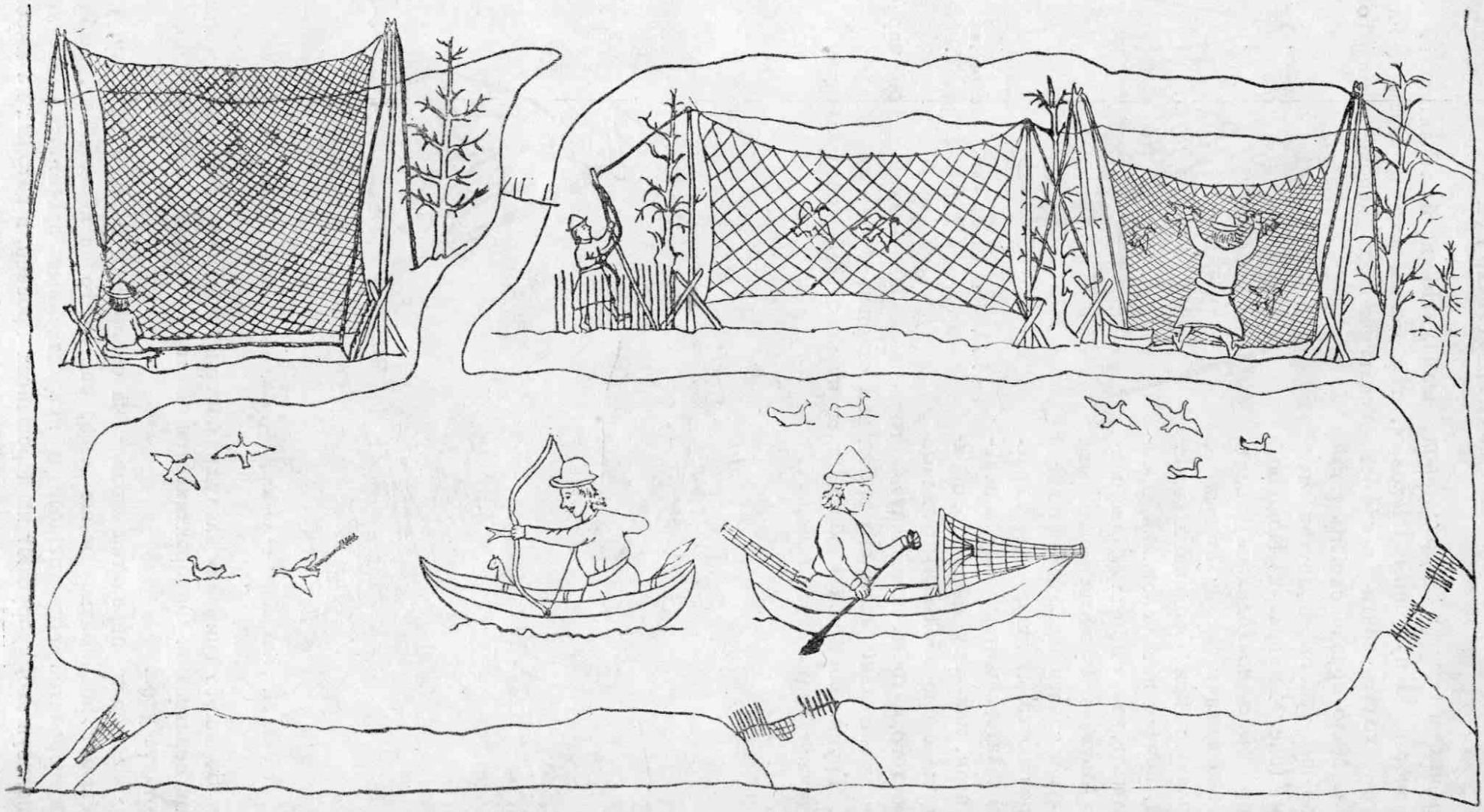


Рис. 42. Охота на уток с перевесом и луком. Деталь шторки V.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

Рис. 23. Шторка VI (Из колл. МАЭ, № 5753-6).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

шестах или даже вершинах деревьев, укрепляют на блоках тонкую сеть. В эту сеть, почти невидимую в сумерках, и попадают утки.

На рисунке 22 мы видим поднятую сеть и охотника, сидящего в укрытии, далее уток, попавших в сеть, и охотника, спешащего опустить ее. Другой охотник уже выбирает уток из спущенной сети. Детально на устройстве перевеса мы здесь останавливаться не будем, поскольку все подробности интересующийся может найти в превосходной работе С. И. Руденко, посвященной этому вопросу.[1]

На озере, отделенном перешейком от Оби, художник изобразил охоту на уток при помощи лука и стрел. Охотник сидит в лодке, в которой находится также и собака. Он изображен в тот момент, когда, поразив утку, готовится пустить стрелу в другую. Стрела с типичным для утиной охоты раздвоенным наконечником. Такой наконечник по сравнению с обычным, копьевидным, имеет бо̀льшую поражающую площадь и, кроме того, в случае промаха, стрела не уходит далеко в воду, обладая бо́льшим лобовым сопротивлением.

Правый рисунок изображает ханты, отправляющегося на лодке устанавливать верши в рыболовных заколах, устроенных на протоках и реках. В двух таких заколах верши уже установлены, и рыбак плывет теперь к третьему, где просвет еще открыт.

Шторка VI (рис. 23). Размеры: 1305 × 770 мм. Материал и обрамление такие же, как и в предыдущих. В верхней части рамки — надпись, поясняющая содержание рисунков шторки „Волостѝ соскѝнскаѧ илѧнинскаѧ промслы“; под надписью литеры: Р(исовал) Н(иколай) Ш(ахов).

В верхней части шторки изображено зимнее кочевое стойбище, состоящее из двух чумов, рядом с которыми стоят нарты и бродят олени. Ниже художник нарисовал ловчую загородь с тремя воротцами. Против каждого прохода лежит добыча — пораженные стрелами медведь, лось и олень. Так же, как и на шторке V, художник допустил неточность. Стрелы, применяемые для сторожевых луков, отличаются от обычных. Они не имеют оперения и значительно длиннее — предназначенные для крупного зверя достигают почти полутора метров. Так же, как и на шторке V, не изображены самые луки, но прясла даны несколько вернее.

Ниже, слева, изображена, правда, весьма неточно, мансийская юрта и чамья. Это паул — селение, из которого, очевидно, и направились в лес охотники (рис. 24). Оба они на лыжах, один с луком, другой с ружьем. Последний держит в левой руке какой-то небольшой предмет, в котором можно предположить рожок для табака. На ногах у них туфли-няры, изготовляемые из оленьей и лосиной кожи, и чулки. Последние, насколько можно судить по рисунку, вязаные, зырянского происхождения. Надо заметить, что у манси и ханты такие чулки встречаются крайне редко и типичными являются длинные, выше колен чулки из грубого сукна

---

[1] С. И. Руденко. Перевес. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л. 1929, изд. Русского Музея.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

или, в прошлом, из замши. Тем более сомнительно, чтобы зырянские вязаные чулки могли бытовать в начале XIX в. Скорее всего это неточность, допущенная Шаховым под влиянием родной для него зырянской среды. Верхняя одежда охотников, повидимому, с разрезом спереди, типа современного мансийского охотничьего азяма. Рукавицы пришиты к рукавам. Несколько непонятны спускающиеся из-под шапок платки. Такие платки обычно носят летом, прикрывая ими голову и шею в защиту от комаров. Скорее всего, это неточность, допущенная Шаховым. Возможно, что он и видел такой платок зимой у кого-либо из манси, который надел его, чтобы прикрыть шею от падающего с деревьев снега, и распространил этот случай уже значительно шире. Совершенно ошибочным является наличие платка у охотника, поскольку на нем надета малица, хорошо защищающая шею. Манси изображены на охоте за лосями, мясо которых составляло некогда основное средство пропитания в районах, удаленных от Оби.

Рис. 24. Охотник на лыжах. Деталь шторки VI.

Рис. 25 изображает мужчину манси, стреляющего из лука в белку. Фигура эта мало отличается от охотника на предыдущей шторке.

Ниже видим сцену охоты за диким оленем. Охотник стреляет из ружья в оленя, который, будучи ранен, поднялся на дыбы. Другой олень лежит поодаль, уже убитый. Рядом изображен манси, стреляющий в какого-то зверька, сидящего на дереве. Судя по тому, что художник изобразил его темным, в нем можно предположить соболя.

Слева у самого края шторки видим юрту, со стоящей позади чамьей, ниже которой изображено селение с относящейся к нему подписью: Сартынинской повост (село Сартыньинское или Сортынья на реке Сосве). В соответствии с истиной Сортынья изображена на двух холмах на берегу Сосвы. В то же время в расположении реки и ее притоков допущены грубые погрешности: Сортынья находится не выше, а ниже устья Сосвы (Ляпин), Ляпинский городок был на левом, а не на правом берегу, и наоборот, река Щекунья впадает в Ляпин с правой стороны выше крепости.

Рядом с Сортыньей, но совершенно вне всякой связи с ней, обычно, стоит шалаш, который должен изображать охотничий стан

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

Шалаш изображен неточно, так как и манси и ханты применяют обычно в качестве временного охотничьего жилища односкатный навес, крытый хвойными ветвями или берестой.

К шалашу прислонен лук и колчан со стрелами, а несколько правее виден и сам охотник (рис. 26). Он ранил медведя стрелой, глубоко вонзившейся в горло зверя, которого охотник принял теперь на рогатину.

Ниже изображен манси, едущий на нарте, запряженной парой оленей. Он, видимо, возвращается с покупками из Сартыньи, так как на передке нарты лежит боченок, в каких раньше продавали вино. Слева показана еще одна юрта с чамьей, стоящая в излучине реки Сосвы, против устья реки Ляпин.

Вверху по Ляпину, в правом краю шторки, изображена Ляпинская крепость. Рисунок мало отличается от описанного выше укрепления в Юильском городке. Тип острожка был, очевидно, довольно стандартным и не имел особых отклонений. Ляпинская крепость простояла до недавнего времени и была в весьма хорошей сохранности, но в 1927 г. один саранпаульский зырянин сжег ее, так как она якобы мешала ему на покосе. К счастью, имеется описание укрепления, сделанное в 1884 г. К. Носиловым, которое мы здесь и приводим:

Рис. 25. Охотник стреляет в белку из лука. Деталь шторки VI.

„Против с. Саран-паул, на противуположном берегу р. Сыгвы (р. Ляпин), находится полуразрушенная, деревянная с бойницами крепость... на невысоком, но прежде обрывистом берегу, в бору стоит четырехугольный, в 250 фут квадратной площади при высоте стен в 24 фута, сруб, сложенный из бревен в виде правильного четырехугольника. На высоте 18 фут стена расширяется на 2 фута с уступом для прохода, на который настлан деревянный из круглых бревен пол. Крыши нет, остались одни лишь боковые отверстия для стрельбы, как в нижних, так и в верхних стенах. С западной и восточной стороны, по направлению берега, устроены полукруглые, аркой, двери. Для подъема в верхний этаж или площадку для боя установлены в углу два со ступенями бревна. К востоку от главного боевого здания находятся в нескольких шагах два низменные помещения, тоже с двойным потолком и отверстиями для стрельбы. От боков (южного и северного) главной бойницы идет высо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

кая бревенчатая с острыми оконечностями стена; она шла вокруг и двух других зданий, но ныне она разрушена. На западной стороне бойницы сохранились следы строений, занимающих до 30 сажен в длину местности на берегу. Несколько лет тому назад над дверьми (западными) еще видна была надпись года постройки крепости, которая показывала, что здание было устроено более 300 лет тому назад".[1]

Против острожка изображено мансийское селение. Это Сокурья-павыл, или село Щекурья, расположенное на правом берегу реки того же названия, недалеко от впадения ее в Ляпин (Сыгву).

Таково содержание рисунков Н. Шахова. Ниже публикуется статья сотрудника Русского Музея в Ленинграде, ныне покойной, К. А. Большевой, выясняющей историю творчества художника и пытающейся на основе стилистического анализа установить датировку рисунков.

Рис. 26. Охота с луком и рогатиной на медведя. Деталь шторки VI.

Обращая основное внимание на связь творчества Шахова с картографией XVIII в., К. А. Большева не останавливается на его других, также заслуживающих внимания стилистических особенностях. Они обнаруживаются как в некоторых композициях, так и в тех отдельных рисунках, которые, отображая ловильные сюжеты, не встречались Шахову среди образцов XVIII в., главным образом и обусловивших характер его творчества.

Действительно, тогда как большинство строений, деревьев, деталей ландшафта и т. д. условны и схематичны и носят ясно выраженные следы влияния готовых образцов, изображения нарт, лошади, запряженной в нарту, сетей, каюков очень правдивы, показывают хорошую наблюдательность художника и его знакомство с перспективой и в бо̀льшей степени, чем все остальное, могут характеризовать личное творчество самого Шахова.

Еще одна особенность, слабо отмеченная К. А. Большевой, является, по всей видимости, результатом влияния на Шахова местных художественных традиций и даже не русских или зырянских, а ненецких

---

[1] К. Д. Носилов. О маньсах. Изв. общ. люб. естествозн., антропол. и этногр. т. X, вып. 5. Тр. Антропол. отд., т. IX, вып. 3, стр. 564.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН

и хантыйских. В изобразительном искусстве последних, как впрочем и у ряда других народностей Севера, встречаемся со своеобразным стремлением изобразить в рисунке не один момент какого-то рассказа или действия, а весь рассказ в целом, в последовательности содержащихся в нем событий. Таковы, например, рисунки-повествования эвенка Кемури Барбасенова, приведенные в работе А. Ф. Анисимова „Родовое общество эвенков", изображающие выбор вождя, войну между родами Момоль и Хурасир. Таков же имеющийся у нас рисунок ненца Амнго Вэноши „Охота на тюленя" и др.

Аналогичную идею находим в ряде композиций Шахова. Таковы рисунки, представляющие собой изображения одних и тех же лиц в последовательных этапах процесса ловли рыбы, рисунки на шторке I, изображающие ловлю рыбы калданом, и изображение охоты на оленей на шторке IV.

В заключение необходимо еще раз коснуться вопроса о датировке рисунков.

К. А. Большева, на основе стилистического анализа, склонна относить рисунки к концу XVIII в., а автора их, Н. Шахова, либо считать однофамильцем Н. Шахова, написавшего „Ярмарку в Березове" (1855 г.), либо, если допустить идентичность подписей, видеть в Шахове лишь точного копировщика старых произведений.

Однако в последнем предположении К. А. Большева несколько противоречит самой себе. Не говоря уже о том, что стиль рисунков, относимый ею к последней четверти XVIII в., не чужд прикладному искусству XIX в. (возьмем хотя бы роспись на фарфоре, особенно мелких провинциальных фабрик), копировщик, воспитанный в иных по сравнению с XVIII в. художественных традициях, должен был бы допустить отклонения в сторону „новых веяний", особенно в шрифте. Можно с уверенностью сказать, что Н. Шахов не копировщик, а автор рисунков на „шторках". Можно ли говорить в таком случае о двух Шаховых, живших в конце XVIII и около середины XIX вв.? Думается, что нет. Хотя я и плохо помню „Ярмарку в Березове", которую видел лишь один раз, тем не менее не ошибусь, если скажу, что приемы, в которых выполнена эта картина, манера расположения фигур и отдельных сцен совершенно тождественны с тем, что мы видим на „шторках". К сожалению, не имея перед собой „Ярмарки", я не могу привести примеров, необходимых для доказательства этого, в силу чего и вопрос о датировке придется пока считать открытым. Думаю, однако, что доказать идентичность автора „шторок" и „Ярмарки" а следовательно, и принадлежность рисунков к XIX в., будет нетрудно. Дополнительным и уже совершенно неопровержимым датирующим моментом может также служить изображение церкви в селе Сортынье (шторка IV), которая, если мне не изменяет память, была впервые построена лишь в XIX в.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/mae_x/
© МАЭ РАН